

Кровнородственные связи распались, но свидетельства этого были совсем другие. Ведь разрыв аманата со своим родственным коллективом был вынужденным поступком единственно возможной реакцией на чрезвычайные обстоятельства. Окончательная же инкорпорация его в чужую общину завершалась именно при условии вступления аманата в новые кровнородственные отношения — единственное, что могло гарантировать ему полную социальную защиту. Таким образом, факт перемены фамилии как раз свидетельствовал о действительности кровнородственных связей, вернее, представлений о них, которые, как показало исследование М. Б. Канделаки, еще в XIX в. были весьма сильны в горных районах Грузии.

Однако если стремление беглеца стать аманатом какой-либо общины понятно, то возникает вопрос, чем руководствовалась община при приеме аманата под свое покровительство. М. Б. Канделаки убедительно связывает это с ее экономическими интересами, так как могущество и сила общины были прямо связаны с числом входивших в нее общинников.

Хотя в настоящей рецензии мы согласились не со всеми положениями автора, тем не менее сама возможность подумать над вопросами, поднятыми М. Б. Канделаки, делает исследование ценным и полезным. Опубликованное на русском языке, оно доступно широкому кругу исследователей. Без сомнения, работа М. Б. Канделаки будет интересна всем, кто занимается разработкой проблем генезиса и функционирования социальных институтов в традиционных обществах.

Ю. Д. Анчабадзе

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ ЕВРОПЫ

Dějiny hmothé kultury/Za red. Petrane J. T. I. Č. 1—2. Praha, 1985. 997 s. 32 obr. příl.

«История материальной (или, точнее, вещественной) культуры» — так названа многотомная публикация, к выпуску которой в качестве пособия для учителей и всех, изучающих историю, приступило Пражское государственное педагогическое издательство. Первый том, состоящий из двух частей с общей пагинацией, включает шесть глав, пять из которых посвящены изложению истории чешской материальной культуры в более широком европейском и мировом контексте. В состав авторского коллектива, который возглавил известный чехословацкий историк Йозеф Петрань, вошли М. Бухвалдек, Т. Дурдик, В. Миховский, Л. Петранева, Й. Слама и М. Тиха. «Вещественная культура, — указывает Й. Петрань, — включает факты основной производственной деятельности человека и ее результаты, которые обеспечивают вещественные (жизненные) потребности его образа жизни. Поэтому она тесно связана с экономическим базисом, являющимся посредником материальной жизни и в социальной сфере и создающим в классовом обществе ее классовую структуру, что влияет и на область надстройки как категории общественного сознания. Вещественную культуру, однако, нельзя отождествлять с экономическим базисом общества, так же как общественное сознание нельзя отделять от духовной культуры, хотя она с ней и не тождественна» (с. 57).

Авторы опираются на разнообразный круг источников: археологических, письменных, иконографических, этнографических и других, характеризуя их информационную и функциональную роль во второй главе (с. 108—135). Рассматривая само понятие исторического (в широком смысле) источника, автор главы В. Миховский преимущественно опирается на работы чехословацких и польских (Г. Лабуда, Е. Топольский) ученых. Судя по приложенной к главе библиографии, работы В. А. Дьякова, В. В. Фарсобины, С. О. Шмидта и других советских историков, специально разрабатывающих источниковедческую проблематику, использованы не были.

Основное место в рассматриваемом труде занимает история культуры повседневности с древних времен до XV в. включительно, причем в качестве внутреннего рубежа выбран конец XII в. Периодизация, которой придерживается авторский коллектив, диктуется глобальным подходом к трактовке этапов развития европейской цивилизации. Раскрывая смысл этого подхода, Й. Петрань пишет: «Только в XII и XIII вв. Европа приблизилась к нашим представлениям о феодализме с крепостным крестьянством, дворянством и городами, с сословными корпоративными институциями и их участием в политической власти, представлениям, близким нашему пониманию прежде всего потому, что этот тип феодальной цивилизации сохранился по меньшей мере до конца XVIII в., а его культура кое в чем сохранялась и позже или оставила свидетельства, понятные в современных условиях. На протяжении этих двух столетий из дотоле тесных форм архаического европейского общества, созданного первобытной аграрной цивилизацией, складывались европейские страны, одни скорее, другие медленнее, постепенно или ускоренным темпом» (с. 233).

Можно было бы, конечно, подвергнуть некоторым сомнениям истинность приведенного суждения, которое, с одной стороны, не учитывает всего многообразия истории и культуры народов феодальной Европы (в том числе ее восточного региона или Скандинавии), а с другой — не проводит различия между культурой развитого и

позднего феодализма. Можно было бы, наконец, отметить, что, избрав в качестве внутреннего рубежа периодизации XII столетие, авторы все же сочли нужным добавить к нему XIII в., что заставляет усомниться в правомерности данной хронологической вехи. Однако едва ли целесообразно вступать в спор там, где речь идет об освещении авторской позиции для лучшего понимания общей архитектоники труда и принципов отбора конкретных материалов.

Главы, содержащие изложение истории материальной (вещественной) культуры, могут быть разделены на две неравные части. Одна из них посвящена периоду от первобытности до XII в. (с. 136—201). Дав краткую характеристику Великоморавской державы (IX в.) и отметив, что попытки создания славянских государственных объединений имели место и ранее, автор параграфа Й. Слама констатирует: «В европейскую историю славянское население вступило с относительно незрелой материальной и духовной культурой, во многом напоминавшей первобытную. Благодаря собственному внутреннему развитию, ускоренным контактам с доживавшими свой век римскими периферийными центрами в давнишних подунайских провинциях, последующим связям с франкской средой, восприятию импульсов, шедших от более удаленных византийской и других культур, постепенно происходило стирание отличий от других европейских областей» (с. 203).

Трудно, конечно, ожидать, что автор в краткой характеристике осветит весь круг вопросов, связанных со сложной проблемой европейского культурно-исторического синтеза. Но, во-первых, она заслуживает более подробного рассмотрения. Во-вторых, не вполне понятны суждения автора об относительной незрелости древнеславянской культуры (по отношению к чему и к кому?) и о последовавшем выравнивании культурного развития сравнительно с «другими европейскими областями» (какими?).

Другой комплекс вопросов связан с историей культуры повседневности XIII—XV вв. В них рассматриваются предпосылки и динамика эволюции материальной культуры феодального общества и двух ее фаз: подъема (связываемого с XIII столетием) и стагнации и так называемого «кризиса» (датируемого XIV—XV вв.). Не будем специально останавливаться на трактовке понятия кризиса феодализма, породившей значительную литературу и вызвавшей критическое отношение к себе со стороны многих советских историков. Укажем лишь, что автор соответствующей главы Й. Петрань отмечает целесообразность учета специфики развития Чешских земель XIV—XV вв. Среди признаков стагнации он отмечает снижение продуктивности сельскохозяйственного производства, ослабление темпов колонизации пустовавших земель, которые к этому времени оказались исчерпанными, и т. д. В данной связи автор выделяет три фазы демографического развития Чешских земель, приходящихся на рассматриваемый им период. Отличительными чертами фазы «А», по его мнению, были рост объема производства, увеличение количества лиц, создававших семьи, и как следствие этого рост занятости в производстве по мере увеличения рождаемости. Для фазы «В» характерно возникновение негативных тенденций во взаимоотношениях между занятыми и не занятыми в общественном производстве категориями населения, снижение рождаемости, невозможность занятости для лиц, достигших совершеннолетия, массовые эпидемии, что породило туиковую ситуацию и миграции сельского населения в города. Наконец, фаза «С» ознаменовалась регрессом, возвратом вспять до периода, предшествовавшего фазе «А», и снижением доли тех, кто экономически мог бы обеспечить создание семьи. Обрисованная ситуация, подчеркивает Й. Петрань, была характерна не только для XIV—XV вв., сохранив значение модели вплоть до эпохи промышленной революции (с. 241).

Особый интерес для изучения этнографии Чешских земель XIII—XV вв. представляет написанная Л. Петраневой пятая глава, посвященная культуре потребления. Здесь собран и проанализирован значительный фактический материал по культуре пищи, одежды, обуви, косметики и развлечений. Автор подчеркивает, что в культуре потребления отчетливо прослеживается классовое расслоение чешского общества и нарастание в нем социальных и этнополитических противоречий, получивших максимальное проявление в период гуситского движения. Вместе с тем Л. Петранева пренебрегает от упрощенных представлений относительно социальной квалификации тех или иных элементов культуры потребления, носивших в рассматриваемый период как традиционный, так и заимствованный из соседних этнических культур (прежде всего немецкой) характер. При написании главы были использованы не только памятники материальной культуры, но и народной письменности, получившие в чешской среде XIV—XV вв. значительное распространение (что лишний раз свидетельствует об относительности деления культуры на материальную и духовную). Заметим, впрочем, что в этих разделах имеются некоторые пропуски, которые при повторном издании следовало бы дополнить. Так, в параграфе «Развлечения» описаны забавы сельского и городского населения (в том числе, что существенно, не только взрослых, но и детей), дворянства и других сословий: музыка, танцы, шашки, борьба, охота, придворные игры, рыцарские турниры и т. д. Отсутствуют, однако, сведения о появлении печатной книги, в репертуаре которой определенное место (и это можно считать характерной чертой раннего чешского книгопечатания, возникшего в последней трети XV в.) занимали развлекательные произведения, например «Троянская хроника», созданная в XIII в. мессинским судьей Гвидо де Колумна, позднее переведенная на чешский язык и изданная в XV в. Развлекательный характер во многом носила и чешская рукописная книга, которая в XV в. и позднее не только длительное время сосуществовала с типографской, но и значительно дополняла ее. Вообще едва ли правильно трактовать книгопечатание лишь в техническом аспекте, как в рассматриваемом труде (с. 236, 245).

Несмотря на те или иные замечания, возникающие при ознакомлении с первым томом «Истории материальной культуры», надо отметить, что этот опыт коллективной обобщающей монографии заслуживает внимания и поддержки. И прежде всего потому, что он создан на основе четко сформулированных теоретических принципов, изложению которых посвящена первая глава, о которой хотелось бы сказать особо. Эта глава, принадлежащая перу И. Петраня, названа «Теория истории культуры» (с. 11—107).

«Культуру как содержательную социально-политическую категорию,— подчеркивает автор,— мы должны понимать в рамках марксистско-ленинской трактовки комплексного процесса развития культуры. Что это означает? Не только то, что культура развивается во всех составляющих ее компонентах, но и постоянно проникает во все сферы общественной жизни, включая материальную сферу» (с. 11). Излагая основы марксистско-ленинской теории культуры, автор широко использует работы советских авторов: А. И. Арнольдова, Е. А. Баллера, М. Т. Иовчука, Э. С. Маркаряна, В. М. Межуева и др. Говоря о содержании и методах истории культуры, И. Петрань выдвигает вопрос о соотношении понятий «культура» и «цивилизация». Он дает краткий историографический очерк вопроса, начиная с концепции известного немецкого просветителя XVIII в. И. Г. Гердера, называя теорию цивилизации критерием культурно-исторической типологии. В этой связи И. Петрань затрагивает и трактовку понятия «культура» в этнографической науке, ссылаясь, в частности, на работы Ю. В. Бромлея, М. Г. Левина, С. А. Токарева, Н. Н. Чебоксарова и других советских ученых. Критическому анализу подвергнуты основные западные культурологические концепции — понятие «цивилизации» в трудах Л. Г. Моргана (с. 29—30), О. Шпенглера, А. Тойнби и П. Сорокина (с. 30—32), структурно-функциональная теория, связанная прежде всего с именем К. Леви-Строса (с. 32—33), и др. Обращаясь к формационному подходу, автор широко использует результаты дискуссий, проходивших в советской культурологической, исторической и философской литературе, подчеркивая особый интерес работ советских историков, которые связывали общетеоретическую проблематику с разработкой конкретно-исторического материала: М. А. Барга, Е. В. Гутновой, В. Д. Королюка, А. Д. Люблинской и др.— для выработки концепции данного труда (с. 38). И. Петрань приходит к выводу, что цивилизация представляет собой исторически обусловленную систему, возникающую в результате взаимодействия различных культурных типов и их региональных разновидностей (с. 39). Обзор этой проблематики дает автору возможность перейти к существенному для данного труда вопросу о месте истории культуры повседневности в истории культуры в целом. И. Петрань подробно останавливается на взглядах видного чешского историка, культуроведа и библиографа конца XIX — начала XX в. Ченека Зибрта, выделявшего «внутреннюю», т. е. духовную, и «внешнюю», т. е. вещественную, материальную, стороны культуры (с. 75). Культуру повседневности И. Петрань трактует, в сущности, как культуру бытовую в широком смысле этого слова, а ее историю — как историю бытовой культуры.

Вряд ли можно полностью согласиться с многими положениями, выдвинутыми И. Петранем при изложении культурологической проблематики. Не вполне четким остается различие между понятиями «культурный круг» и «тип культуры». Что такое, например, «европейская цивилизация», стоящая на одном таксономическом уровне с «античной цивилизацией»? (с. 41). Ведь вне поля зрения и авторов труда остаются обширные регионы и народы Европейского континента: Византия и Балканы, восточные славяне и другие народы Восточной Европы (с. 38). При таком подходе понятие «европейская цивилизация» выглядит урезанным и обедненным. Сказывается это, конечно, и на основной, конкретно-исторической части труда, поскольку древнеславянский период (к тому же изложенный лапидарно) характеризуется без учета истории культуры восточных и южных славян. Понятно, что авторы должны были ограничить рамки своей работы. Но можно ли в таком случае ограничивать теоретическую конструкцию «европейской цивилизации»?

При всей основательности и добросовестности подачи историографических разделов И. Петрань не избежал некоторых пропусков и неточностей. Так, явным недоразумением выглядит утверждение, что понятие истории вещественной (материальной) культуры было введено в науку польскими учеными, в связи с чем назван основанный в рамках Польской Академии наук в 1953 г. Институт истории материальной культуры (с. 77). Напомним лишь, что вскоре после Великой Октябрьской социалистической революции, в 1919 г., была основана Российская Академия истории материальной культуры, преобразованная в 1926 г. в Государственную академию истории материальной культуры. Это учреждение, на базе которого в 1959 г. был создан Институт археологии АН СССР, стало преемником Археологической комиссии, существовавшей с 1859 г.

Рассмотренный коллективный труд чехословацких ученых представляет собой ценный и поучительный опыт комплексного освещения культурно-исторической проблематики. И нет сомнения в том, что он привлечет к себе внимание не только той читательской аудитории, на которую ориентировались авторы, но и специалистов в области этнографии, теории и истории культуры. А богатый и целенаправленно подобранный иллюстративный материал будет полезен для лучшего понимания особенностей культуры чешского народа и его вклада в историю мировой культуры. Остается пожелать, чтобы последующие тома полностью реализовали эту полезную инициативу.

А. С. Мыльников